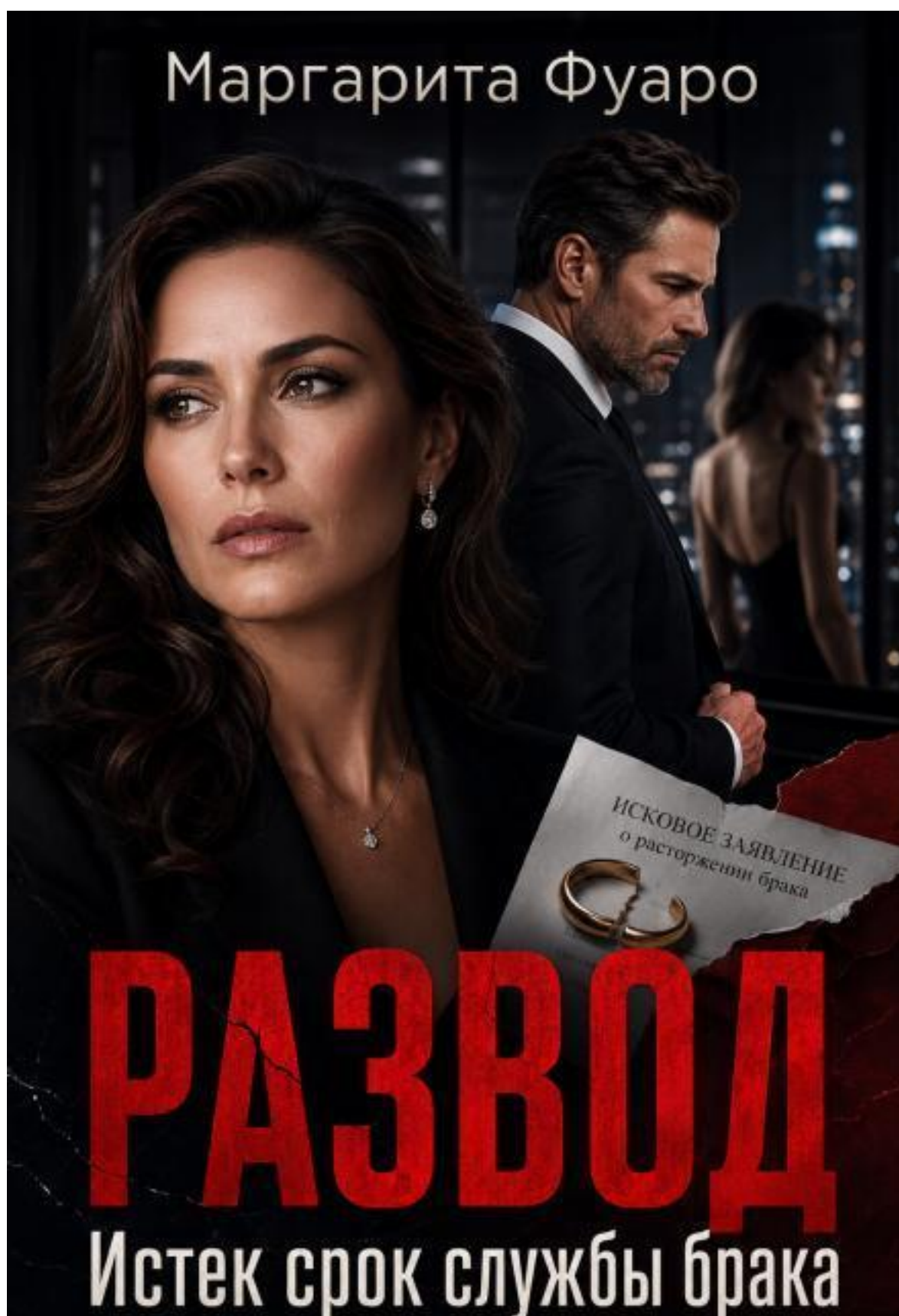

Маргарита Фуаро

РАЗВОД

Истек срок службы брака

Маргарита Фуаро

Развод. Истек срок службы брака

«Литнет»

2026

Фуаро М.

Развод. Истек срок службы брака / М. Фуаро — «Литнет», 2026

ФИНАЛ В день семнадцатой годовщины брака Валерия ждала от мужа хотя бы цветов. Вместо этого Кирилл положил перед ней папку с документами на развод и спокойно сказал:— У всего есть срок службы, Лера. У нашего брака он истек. Он уходит к молодой беременной любовнице, оставляя жене унижение, боль и “щедрое” предложение начать жизнь заново в квартире, которая, как выяснится, уже заложена. Но развод оказывается только началом. Валерия узнает: муж не просто предал ее. Он заранее готовился уничтожить ее — подделал подпись, вывел активы, решил забрать сына и стереть ее из жизни так же легко, как ненужную строку в договоре. Только Кирилл не учел одного. Семнадцать лет рядом с ним жила не слабая женщина. А та, кто слишком долго молчала. Теперь Валерия готова бороться за себя, за сына, за правду и за новую жизнь. А рядом появляется Артем Ветров — мужчина, у которого с Кириллом свои счеты. Он не обещает спасти ее. Он просто протягивает руку и говорит:— Я не буду решать за вас. Но могу стоять рядом, пока вы решаете сами. Бывший уверен, что Валерия сломается. Но срок службы закончился не у брака. А у ее терпения.

© Фуаро М., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Срок службы	5
Глава 2. Подпись	12
Глава 3. Не твоя собственность	18
Глава 4. Чужая война	25
Глава 5. Чужой ребенок	32
Глава 6. Охота	39
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Глава 1. Срок службы

Я думала, он забыл.

Снова.

Семнадцать лет брака, семнадцать годовщин, из которых последние пять Кирилл вспоминал о дате только тогда, когда я ставила на стол ужин чуть праздничнее обычного. Рыба не в будний день. Белое вино. Свеча, купленная на распродаже, потому что зачем тратить лишнее на то, что всё равно догорит за вечер?

Но сегодня всё было иначе.

Он сам написал утром:

«Лера, будь дома к восьми. Нам нужно поговорить. И оденься красиво».

Я перечитала сообщение раз десять.

Глупо, наверное, в тридцать девять лет замирать от короткой фразы мужа, как девчонка. Глупо надеяться, что спустя годы усталости, отчетов, кредитов, школьных собраний, больниц, ремонта и вечного “Лер, реши сама, ты же у меня умная”, он вдруг вспомнил, какой я была.

Не женой-подушкой.
 Не матерью его сына.
 Не женщиной, которая знает, где лежат его носки, договоры, таблетки от давления и запасные ключи от офиса.

А просто Лерой.

Той самой, которой он когда-то кричал под окнами:

— Соколова, я без тебя не смогу!

Я тогда смеялась. А потом поверила.

В восемь вечера на столе стояли бокалы. В духовке томилось мясо. Я даже надела темно-синее платье, которое купила два года назад и ни разу не надевала. Оно было чуть теснее, чем хотелось бы, но зеркало неожиданно не стало врагом. В нем стояла женщина с усталыми глазами, да. Но не старая. Не исчезнувшая. Живая.

Я накрасила губы.

Потом стерла.

Потом снова накрасила.

Миша, наш пятнадцатилетний сын, выглянул из своей комнаты, скользнул по мне удивленным взглядом и присвистнул:

— Мам, ты чего такая?

— Годовщина у нас с папой.

Он поморщился.

— А. Понятно.

В его голосе было столько подросткового равнодушия, что я невольно улыбнулась. Миша уже давно жил в своем мире: наушники, тренировки, переписки, резкие ответы и постоянное “мам, ну не начинай”.

— Поужинаешь с нами? — спросила я.

— Не, я к Дэну. Папа разрешил.

Я замерла.

— Когда?

— Днем звонил. Сказал, чтобы я не мешал вам разговаривать.

Не мешал.

Это слово царапнуло где-то внутри, но я отмахнулась. Может, Кирилл правда готовил сюрприз? Может, хотел остаться со мной наедине? Может, наконец-то решил, что мы еще не стали просто соседями с общей ипотекой и ребенком?

— Ладно, — сказала я. — Только не поздно.

— Ага.

Миша ушел, оставив после себя хлопок двери и запах подросткового одеколona.

А я осталась в тишине.

В восемь двадцать я услышала ключ в замке.

Сердце почему-то дернулось, будто я ждала не мужа, а приговор.

Кирилл вошел в квартиру в темном пальто, с телефоном у уха. Высокий, подтянутый, красивый. С возрастом он стал только увереннее в себе. Седина у висков его не портила, а делала дороже. Такие мужчины не стареют — они становятся “статусными”. А женщины рядом с ними почему-то просто устают.

— Да, завтра подпишем, — говорил он. — Нет, без нее не начинайте. Я сам разберусь.

Он снял пальто, даже не посмотрев на меня. Потом отключил телефон и наконец поднял глаза.

На секунду в его взгляде что-то мелькнуло.

Удивление?
 Жалость?
 Раздражение?

— Ты красиво выглядишь, — сказал он.

Я улыбнулась.

— Ты сам попросил.

— Да.

Он прошел в гостиную, поставил на стол кожаную папку и сел.

Не поцеловал.
 Не обнял.
 Даже не спросил, как день.

Я смотрела на папку.

Черная. Новая. Дорогая.

— Это мне? — спросила я, стараясь говорить легко.

Кирилл провел ладонью по подбородку. На безымянном пальце блеснуло кольцо. Наше кольцо. То самое, которое он никогда не снимал — даже когда забывал о годовщине.

— Садись, Лер.

Мне не понравился его тон.

Так он говорил с подрядчиками, которые срывали сроки. С менеджерами, которые ошибались в сметах. С людьми, которым сейчас собирался объяснить, где их место.

Я медленно опустилась на стул напротив.

— Что происходит?

Он открыл папку, повернул ее ко мне.

Сначала я увидела белые листы. Печати. Строки. Слишком официальные, слишком сухие, слишком чужие для нашего стола, на котором еще стояли свечи.

Потом взгляд сам выцепил слово.

Развод.

Я моргнула.

Один раз.
 Второй.

Буквы не исчезли.

— Это что? — спросила я.

Голос прозвучал тонко. Почти смешно.

Кирилл вздохнул. Устало. Будто я уже начала вести себя неправильно.

— Документы. Я подготовил всё заранее, чтобы не затягивать.

Я посмотрела на него и вдруг засмеялась.

Смех вышел короткий, рваный, некрасивый.

— Кирилл, это не смешно.

— Я и не шучу.

Свеча между нами дрогнула. Маленькое пламя дернулось, словно тоже испугалось.

— Сегодня наша годовщина, — сказала я.

— Я помню.

— Ты помнишь?

— Именно поэтому и решил сказать сегодня. Символично.

Я медленно убрала руки со стола, потому что пальцы начали дрожать.

— Символично?

Он кивнул.

— Лера, мы взрослые люди. Нам не надо устраивать сцен. Наш брак давно себя исчерпал.

Слово ударило сильнее, чем пощечина.

Исчерпал.

Будто я была бутылкой воды.
Батарейкой.
Старой деталью в его новой, блестящей жизни.

— Я не понимаю, — прошептала я.

— Понимаешь. Просто не хочешь признавать.

Он говорил спокойно. Почти мягко. И от этого становилось еще страшнее. Потому что в его голосе не было злости. Не было боли. Не было сомнений.

Он уже ушел.

Просто тело еще сидело напротив меня.

— У нас семья, Кирилл.

— У нас привычка.

— У нас сын.

— Миша уже взрослый. Он поймет.

Я сглотнула.

— Ты с ним говорил?

— Не о деталях.

— О деталях? — переспросила я. — Ты сейчас называешь развод родителей деталями?

В его глазах мелькнуло раздражение.

— Не цепляйся к словам. Я хочу сделать всё нормально. Без грязи. Без истерик. Я оставлю тебе квартиру на Южной. Хорошая двушка. Ты сама говорила, что район тебе нравится.

Я смотрела на него и не могла поверить.

Квартира на Южной.

Та самая, которую мы покупали для сдачи. Маленькая, с вечной плесенью в ванной и окнами на заправку.

— А эта квартира? — спросила я.

— Здесь останусь я. Мише удобнее отсюда добираться до школы.

— То есть ты уже решил, где будет жить наш сын?

— Я решил, как будет лучше для всех.

Я почувствовала, как внутри что-то лопнуло. Не громко. Без красивого звука. Просто тонкая нить, которая держала меня за эту реальность.

— Для всех? Или для тебя?

Кирилл устало потер переносицу.

— Лера, пожалуйста. Я не хочу ругаться.

— А чего ты хочешь?

Он посмотрел мне прямо в глаза.

И в этот момент я почему-то уже знала ответ. Еще до того, как он произнес. Женщины всегда знают. Просто иногда душа закрывает уши ладонями, чтобы не слышать.

— Я хочу начать другую жизнь.

— С кем?

Тишина стала такой плотной, что я услышала, как в духовке щелкнул таймер.

Кирилл отвел взгляд.

И этого хватило.

— Кто она?

— Не надо.

— Кто она, Кирилл?

— Ты ее не знаешь.

Ложь.

Слишком быстрая. Слишком ровная.

Я вдруг вспомнила его помощницу. Нику. Девушку с гладкими светлыми волосами, тонкой талией и привычкой смеяться над каждой его шуткой, даже если шутка была не смешной.

Она всегда называла его Кириллом Андреевичем так, будто раздевала голосом.

Я тогда сказала ему:

— Она на тебя смотрит странно.

А он ответил:

— Лер, тебе заняться нечем? Девочка просто старается на работе.

Девочка.

Мне стало холодно.

— Ника? — спросила я.

Кирилл молчал.

Потом сказал:

— Это неважно.

Я закрыла глаза.

Вот так, значит.

Не буря. Не крик. Не разбитая посуда.
 Просто папка на столе, остывающее мясо и имя молодой женщины, которое муж не стал отрицать.

— Сколько?

— Что сколько?

— Сколько вы вместе?

— Лера...

— Сколько?!

Он дернулся, будто я повысила голос в неприличном месте.

— Почти год.

Год.

Триста шестьдесят пять дней.

Значит, когда я сидела с его матерью после операции, он был с ней.
 Когда я ночами сводила отчеты, потому что у него “голова не варит”, он был с ней.
 Когда мы с Мишей выбирали ему подарок на день рождения, он уже год как предавал нас обоих.

— Почему? — спросила я.

Глупый вопрос. Самый женский. Самый бесполезный.

Кирилл посмотрел на меня с жалостью.

И вот за эту жалость я почти возненавидела его.

— Потому что рядом с ней я чувствую себя живым.

Я кивнула.

Раз.
 Второй.

— А рядом со мной?

Он молчал.

Но я уже поняла.

Рядом со мной он чувствовал счета, обязательства, школьные собрания, простуду, кредит на оборудование, его же обещания, которые я помнила лучше него. Рядом со мной он видел не женщину, а архив своей жизни. Полку, где лежало всё старое.

Кирилл вдруг наклонился вперед.

— Ты хорошая, Лер. Правда. Ты очень многое для меня сделала. Я этого не забываю.

— Как великодушно.

— Не начинай.

— А что мне начать? Благодарственную речь? За то, что ты вспомнил о моих заслугах перед увольнением?

Он поморщился.

— У всего есть срок службы.

Я подняла на него глаза.

— Что?

Он будто понял, что сказал лишнее, но отступить не стал.

— У отношений тоже. Иногда люди просто доходят до конца. Не надо делать из этого трагедию.

Я смотрела на него и вдруг ощутила удивительное спокойствие.

Не потому что перестало болеть.

Нет.

Боль стала такой огромной, что просто перестала помещаться во мне. Она вышла за края, разлилась по комнате, затопила стены, потолок, свечи, тарелки, нашу общую жизнь.

— Значит, срок службы нашего брака истек? — тихо спросила я.

Кирилл задержал взгляд на моем лице.

— Да.

Я улыбнулась.

Наверное, страшно. Потому что он вдруг напрягся.

— Хорошо, — сказала я.

— Хорошо?

— Да. Раз срок истек, значит, надо списывать.

Он облегченно выдохнул, решив, что я сдалась.

Глупый.

Семнадцать лет он смотрел на меня и так ничего не понял.

Я взяла папку, закрыла ее и отодвинула к нему.

— Только списывать будем правильно. По документам. По закону. С полной инвентаризацией имущества.

Его лицо изменилось.

Совсем немного. Но я заметила.

— Не усложняй.

— А я и не усложняю.

— Лера, я предлагаю тебе нормальные условия.

— Нет, Кирилл. Ты предлагаешь мне роль дуры, которая подпишет всё, что ты принес.

Он побледнел от злости.

— Осторожнее.

— А то что?

Мы смотрели друг на друга через стол, за которым праздновали дни рождения, спорили о ремонте, учили Мишу читать, считали деньги до зарплаты и когда-то целовались так, что падали бокалы.

Телефон Кирилла завибрировал.

Он быстро глянул на экран.

Слишком быстро.

Но я успела увидеть имя.

Ника.

И сообщение.

Всего одну строчку, которая добила меня окончательно:

«Ты сказал ей? Малыш сегодня весь день толкается. Он будто чувствует, что скоро мы будем вместе».

Малыш.

Я перестала дышать.

Кирилл резко перевернул телефон экраном вниз.

Поздно.

Очень поздно.

— Она беременна? — спросила я.

Он закрыл глаза.

— Лера...

— Она беременна?

— Да.

Слово упало между нами, как нож.

Я встала. Стул с визгом отъехал назад.

— Уходи.

— Это моя квартира тоже.

— Уходи сейчас, Кирилл. Пока я еще могу говорить спокойно.

Он поднялся медленно, застегнул пиджак. Лицо снова стало холодным, деловым.

— Я переночую в отеле. Завтра поговорим, когда ты придешь в себя.

Я засмеялась.

На этот раз безумно тихо.

— Завтра я как раз приду в себя. И тебе это очень не понравится.

Он хотел что-то сказать, но передумал. Взял папку, телефон, пальто.

У двери задержался.

— Лера, не делай ошибок. Я не враг тебе.

Я посмотрела на мужчину, которому отдала семнадцать лет.

— Нет, Кирилл. Враг хотя бы честно стоит напротив. А ты год спал рядом и улыбался мне за завтраком.

Он ушел.

Дверь закрылась мягко. Почти вежливо.

Я осталась одна среди праздничного ужина, который уже никому не был нужен.

Долго стояла посреди кухни. Смотрела на свечу, догоревшую почти до основания. Потом подошла к духовке, выключила ее, достала мясо и поставила на плиту.

Руки не дрожали.

Странно.

Слез тоже не было.

Я медленно сняла кольцо.

Оно не поддавалось. За годы палец привык к нему, будто кожа решила: это навсегда. Пришлось намылить руку, тянуть сильнее. Кольцо соскользнуло резко, больно царапнув костяшку.

На пальце осталась светлая полоска.

След от брака.

Я положила кольцо рядом с остывшими бокалами.

И только тогда заметила, что Кирилл в спешке оставил на стуле второй конверт. Не тот, с разводом. Другой. Серый, без подписи.

Я взяла его.

Внутри лежали копии каких-то документов. Выписки, договоры, расписки. На первой странице красовалась печать компании Кирилла.

Я не сразу поняла, что вижу.
А потом вчиталась.
И холод, который до этого сковывал тело, сменился другим чувством.
Опасным. Острым.
Потому что среди бумаг был договор переуступки доли. Подписанный задним числом.
И моя подпись.
Только я его никогда не подписывала.
Я медленно опустилась на стул.
В квартире было тихо.
Где-то далеко в подъезде хлопнула дверь. За окном проехала машина. Телефон мигнул сообщением от Миши: “Я у Дэна, не жди”.
А я смотрела на поддельную подпись и наконец поняла.
Кирилл не просто уходил к другой.
Он готовился уничтожить меня.
И тогда слезы всё-таки пришли.
Но это были уже не слезы брошенной жены.
Это были слезы женщины, которая только что увидела, где именно у ее брака закончился срок службы.
И где начнется мой.

Глава 2. Подпись

Я не спала всю ночь.

Не потому что не хотела. Тело, кажется, выключалось несколько раз: голова падала на грудь, веки тяжелели, мысли путались. Но стоило мне провалиться в темноту, как перед глазами снова возникала первая страница договора.

Моя подпись.

Не моя.

Чужая рука вывела мое имя так похоже, что у меня внутри становилось липко. Кто-то сидел, наклонясь над бумагой, и старательно копировал мои буквы. Крючок у “Л”. Острый хвостик у “С”. Нервный наклон, который появился у меня после института, когда приходилось подписывать десятки счетов и актов за один вечер.

Кирилл знал мою подпись лучше, чем мой страх.

Я сидела за кухонным столом в том самом синем платье, в котором собиралась праздновать годовщину, и перебирала документы.

Развод.
Переуступка доли.
Расписка о займе.
Дополнительное соглашение.
Еще одна копия.
Еще одна печать.

Бумаги пахли офисным принтером и чужой наглостью.

В пять утра я наконец встала, умылась ледяной водой и посмотрела на себя в зеркало.

Глаза красные. Губы бледные. Волосы выбились из прически. Женщина напротив выглядела так, будто ее всю ночь били, не касаясь руками.

— Ну что, Лера, — сказала я своему отражению. — Срок службы истек?

Голос сорвался.

Я закрыла кран и вдруг со всей силы ударила ладонью по раковине.

Больно.

Хорошо.

Боль в руке была честнее боли внутри.

Телефон зазвонил в половине седьмого.

На экране высветилось: Кирилл.

Я смотрела на его имя и думала о том, сколько раз за семнадцать лет брала трубку с одним и тем же чувством: надо помочь. Надо успокоить. Надо решить. У него проблемы, а значит, мои руки уже сами ищут блокнот, ключи, документы, контакты.

Теперь у него снова были проблемы.

Только впервые они были не моими.

Я отклонила звонок.

Через минуту пришло сообщение:

“Нам надо поговорить спокойно. Не втягивай Мишу.”

Я усмехнулась.

Не втягивай Мишу.

Он уже втянул. Еще вчера, когда заранее отправил сына из дома, чтобы тот не услышал, как отец списывает мать за ненадобностью.

Я написала:

“О документах тоже поговорим спокойно?”

Ответ пришел не сразу.

Пять минут.

Десять.

Потом короткое:

“Каких документах?”

Я почти увидела, как он сидит где-нибудь в гостиничном номере, идеально выбритый, в белой рубашке, с кофе, и впервые за сутки перестает чувствовать себя хозяином положения.

Я не ответила.

В семь утра входная дверь щелкнула. Миша вернулся тихо, на цыпочках, как будто боялся застать дома не мать, а последствия чужого взрыва.

Я вышла в коридор.

Он замер с рюкзаком на одном плече.

— Ты чего не спишь? — буркнул он.

— Ждала тебя.

— Я написал.

— Я видела.

Он скользнул взглядом по моему платью, по лицу, по кухне, где все еще стояли два бокала и остывший ужин. На столе лежали бумаги, но я успела накрыть их полотенцем.

Миша нахмурился.

— Вы поругались?

Я хотела сказать: “Нет”. По привычке. Чтобы защитить его. Чтобы не рушить его мир, где отец был сильным, мать — удобной, а семейные проблемы решались за закрытыми дверями.

Но вчера Кирилл уже решил за всех.

И я вдруг поняла: если я снова промолчу, он расскажет сыну свою версию первым.

— Папа хочет развода, — сказала я.

Миша не сразу понял.

Потом дернулся, будто я бросила в него что-то тяжелое.

— Что?

— Он сказал мне вчера.

— На годовщину?

Я кивнула.

Миша отвел глаза.

И я увидела. Маленькую, почти незаметную тень вины.

— Ты знал? — спросила я.

— Нет! — слишком быстро ответил он. — Нет, мам. Я не знал. Он просто сказал, что вам надо поговорить. Сказал, чтобы я не лез.

Я подошла ближе.

— Миш.

Он сжал ремень рюкзака.

— Он сказал... что вы давно не ладите. Что ты будешь злиться. Что мне лучше не принимать ничью сторону.

Я закрыла глаза.

Кирилл начал раньше, чем принес папку.

Конечно.

Он всегда готовился. Просто я думала, что знаю, к чему.

— А ты? — спросила я тихо. — Ты чью сторону принимаешь?

Миша вспыхнул.

— Я не хочу выбирать!

— Я не прошу тебя выбирать.

— Просишь! Все взрослые так говорят, а потом получается, что надо выбрать, с кем жить, кого жалеть, кого ненавидеть!

Его голос сорвался.

И в эту секунду я перестала быть женщиной, которой изменили. Я снова стала матерью. Той, которая знает, что детская боль всегда режет глубже собственной.

— Иди сюда, — сказала я.

— Мам, не надо.

— Иди.

Он стоял упрямо. Уже почти выше меня, широкоплечий, колючий, чужой в своем подростковом панцире. Но потом сделал шаг. Еще один. Я обняла его.

Сначала он был деревянным.

Потом вдруг уткнулся лбом мне в плечо.

— Это из-за тебя? — глухо спросил он.

Вопрос был как удар под дых.

— Нет, — сказала я. — И не из-за тебя. Это решение твоего отца.

— Он сказал, что люди иногда просто перестают любить.

Я провела рукой по его волосам.

— Иногда перестают. Но порядочные люди не подделывают чужие подписи, когда уходят. Миша отстранился.

— Что?

Я замолчала.

Рано.

Слишком рано.

Но он уже увидел мое лицо.

— Мам, что он сделал?

В этот момент снова зазвонил телефон.

Кирилл.

Миша посмотрел на экран. Потом на меня.

— Возьми, — сказал он.

— Не сейчас.

— Возьми на громкую.

Я хотела отказать. Но в глазах сына было уже не детское растерянное “не втягивайте меня”. В них было другое. Страх услышать правду и невозможность больше верить в полуправду.

Я нажала кнопку.

— Да.

— Лера, наконец-то, — голос Кирилла был собранным, но я знала его слишком хорошо. Под этой ровностью пряталось напряжение. — Давай без спектаклей. Я сейчас заеду, мы обсудим условия.

Миша замер.

— Я занята.

— Чем? Разглядываешь бумаги, которые не понимаешь?

Вот теперь он выдал себя.

Я медленно сжала телефон.

— Так ты знаешь, о каких бумагах речь.

На другом конце повисла пауза.

— Я не хочу обсуждать это по телефону.

— А я не хочу обсуждать это без юриста.

Кирилл коротко рассмеялся.

— Юриста? Лера, не смей меня. Ты хоть понимаешь, сколько это будет стоить?

— Понимаю.

— И на какие деньги ты собираешься воевать?

Миша побледнел.

Я смотрела прямо на сына и говорила уже не только Кириллу.

— На те, которые ты не успел спрятать.

Тишина.

Потом голос мужа стал ниже:

— Не переходи границы.

— Ты подделал мою подпись.

— Осторожнее с обвинениями.

— Это не обвинение. Это факт.

— Ты ничего не докажешь.

Вот оно.

Не “я не делал”.
 Не “ты ошиблась”.
 Не “Лера, о чем ты”.

А: не докажешь.

Миша услышал тоже.

Его лицо изменилось так резко, что мне стало страшно. Еще вчера он был мальчиком, который раздражался на мои просьбы надеть шапку. А сейчас передо мной стоял человек, у которого на глазах треснул отец.

— Пап? — сказал он.

Кирилл на том конце резко замолчал.

— Миша? Ты там?

Сын смотрел на телефон.

— Ты правда это сделал?

— Миш, это взрослые дела.

— Ты подделал мамину подпись?

— Не говори о том, в чем не разбираешься.

— Ответь!

Я никогда не слышала у сына такого голоса.

Кирилл тоже.

— Я приеду, — сказал он жестко. — И мы поговорим без истерик.

— Не надо, — сказал Миша.

— Что значит не надо?

— Не приезжай сейчас.

Кирилл молчал.

Потом холодно произнес:

— Лера, поздравляю. Ты начала настраивать сына против меня.

Я отключила звонок.

Миша стоял неподвижно. Потом медленно сел на тумбу в прихожей и закрыл лицо руками.

— Я не понимаю, — сказал он. — Я вообще ничего не понимаю.

Я опустилась рядом.

— Я тоже.

И это была правда.

Я понимала документы. Понимала схемы. Понимала, что Кирилл заранее готовил удар. Но не понимала главного: как человек, с которым я прожила почти половину жизни, мог однажды посмотреть на меня и решить, что меня можно стереть из его будущего вместе с подписью.

В девять утра я уже была одета иначе.

Синее платье осталось на спинке стула — как кожа, из которой я вылезла. Я надела строгие брюки, белую рубашку, собрала волосы в низкий хвост и достала из шкафа папку с нашими старыми документами.

Свидетельство о браке.
 Учредительные договоры.
 Старые банковские выписки.
 Копии первых контрактов компании.

Кирилл думал, я просто жена.

Он забыл, что первые три года его бизнеса бухгалтерию вела я. Что первые клиенты звонили на мой телефон. Что я знала, кто дал ему первый заем, кому он задолжал услугу, какие договоренности были устными, а какие лучше бы никогда не всплывали.

В десять мне позвонили с незнакомого номера.

Я почти не взяла трубку. Но что-то заставило ответить.

— Валерия Сергеевна? — голос был мужской. Низкий, спокойный.

— Да.

— Меня зовут Артем Ветров. Я юрист.

Я напряглась.

— Откуда у вас мой номер?

— От человека, который считает, что вам нужна помощь.

— У меня много знакомых, которые так считают?

— Один. Но очень настойчивый.

— Кто?

Пауза.

— Ваша бывшая бухгалтер. Ирина Павловна.

Я закрыла глаза.

Ирина.

Женщина, которая ушла из компании Кирилла два года назад после скандала. Тогда муж сказал, что она “начала путать свое и чужое”. Я поверила ему. Как всегда.

— Что она вам сказала? — спросила я.

— Что ваш муж мог готовить фиктивные документы. И что, если он уже показал вам папку с разводом, значит, времени почти нет.

В горле пересохло.

— Вы знаете Кирилла?

— Да.

Одно короткое слово.

Но сказано оно было так, что я поняла: знает не понаслышке.

— И что вы хотите?

— Встретиться. Сегодня.

— Почему я должна вам доверять?

На том конце впервые появилась легкая, едва заметная улыбка в голосе.

— Не должны. Доверие — плохая стратегия в вашем положении. Принесите документы. Я посмотрю, есть ли у вас шанс не просто защититься, а ударить первой.

Я подошла к окну.

Во дворе Кирилл вышел из черного внедорожника.

Приехал.

Вопреки просьбе сына. Вопреки моему молчанию. Как всегда — потому что его “надо” было важнее чужого “не хочу”.

Он поднял голову к нашим окнам.

И в этот момент я сказала в трубку:

— Куда подъехать?

Артем назвал адрес.

Я записала.

Кирилл уже входил в подъезд.

Я взяла документы, сумку и повернулась к Мише, который стоял в дверях кухни.

— Ты куда?

— К юристу.

— А папа?

Звонок в дверь прозвенел резко. Требовательно.

Я посмотрела на дверь.

Потом на сына.

— А у папы, кажется, тоже заканчивается срок службы. Только он пока не понял, чего именно.

Звонок повторился.

Долгий. Злой.

Я выпрямилась, впервые за много лет чувствуя не страх, а позвоночник.

И пошла открывать.

Глава 3. Не твоя собственность

Я открыла дверь не сразу.

Не потому что боялась.

Просто впервые за много лет позволила себе не спешить к Кириллу по первому требовательному звуку.

Он стоял на пороге в своем безупречном пальто, с раздражением на лице и телефоном в руке. Волосы уложены. Челюсть напряжена. Глаза холодные.

Красивый мужчина.

Чужой мужчина.

— Почему не открывала? — спросил он вместо приветствия.

Раньше я бы ответила. Объяснила. Оправдалась. Сказала бы, что собирала документы, что разговаривала с Мишей, что не слышала звонок.

Теперь я просто посмотрела на него.

— Ты что-то хотел?

Кирилл скользнул взглядом по мне. По белой рубашке, по сумке в руке, по папке с документами.

И сразу все понял.

— Куда собралась?

— По делам.

— Лера, не играй со мной.

Я усмехнулась.

— А ты, значит, со мной не играл?

Он шумно выдохнул и попытался пройти внутрь, но я не отступила. Его плечо почти коснулось моего, и в этот момент я физически ощутила, насколько часто раньше просто отходила в сторону. На кухне. В спальне. В спорах. В жизни.

Сейчас я осталась на месте.

Кирилл нахмурился.

— Дай пройти.

— Нет.

Одно короткое слово.

Но оно прозвучало так непривычно, что он замер.

Из кухни вышел Миша. Бледный, с красными глазами, но упрямо сжатым ртом.

— Пап, я просил не приезжать.

Кирилл резко перевел взгляд на сына.

— Ты еще ребенок, чтобы решать, когда мне приезжать в мой дом.

Миша дернулся.

Я почувствовала, как внутри поднялась горячая волна.

— Не разговаривай с ним так.

— А ты не учи меня говорить с сыном.

— Сыном, которого ты вчера отправил из дома, чтобы спокойно вручить его матери развод?

Кирилл бросил на меня предупреждающий взгляд.

— Я сказал: не втягивай ребенка.

— Ты называешь его ребенком только тогда, когда тебе нужно, чтобы он молчал.

Он сделал шаг ближе. В голосе появилась та самая металлическая нотка, от которой раньше я начинала говорить тише.

— Валерия, хватит.

Полное имя.

Значит, он злился.

— Нет, Кирилл. Хватит было вчера. Когда ты принес мне документы на развод в нашу годовщину. Хватит было год назад, когда ты начал спать со своей помощницей. Хватит было тогда, когда кто-то поставил мою подпись на документах, которые я не видела.

Миша стоял за моей спиной. Я не оборачивалась, но слышала, как он дышит.

Кирилл посмотрел на него, потом снова на меня.

— Ты правда хочешь устроить цирк?

— Нет. Я хочу юриста.

На секунду в его глазах мелькнул страх.

Очень быстрый.

Но я успела.

— Какого еще юриста?

— Хорошего.

— На какие деньги, Лер?

Он сказал это почти ласково. И от этого стало мерзко.

Сколько лет я слышала подобные фразы? Не прямо. Не грубо. Но смысл всегда был один: без меня ты не справишься. Без меня ты никто. Без меня ты не оплатишь, не решишь, не докажешь.

Я подняла папку.

— На те, которые еще не украдены.

Его лицо потемнело.

— Осторожнее.

— Ты уже говорил.

— И повторю. Ты сейчас на эмоциях можешь разрушить то, что потом не соберешь.

Я вдруг рассмеялась.

— Кирилл, ты сам пришел с папкой на развод. Ты сам сказал, что срок службы брака истек. Что именно я должна собирать? Обломки твоей совести?

Он сжал губы.

Миша тихо сказал:

— Пап, ты подделал подпись?

Кирилл посмотрел на него так, будто сын предал его одним вопросом.

— Миша, взрослые вопросы не решаются в прихожей.

— Ответь.

— Не повышай на меня голос.

— А ты не ври мне!

Эти слова ударили по нам всем.

Кирилл застыл.

Я тоже.

Миша стоял с дрожащими руками, и в нем боролись мальчик, который любит отца, и подросток, который только что понял, что любовь не делает человека честным.

Кирилл быстро взял себя в руки.

— Я никогда тебе не врал.

Я повернулась к нему.

— Правда? Тогда скажи ему про Нику.

Миша побледнел еще сильнее.

— Мам...

Кирилл резко сказал:

— Замолчи.

Вот теперь воздух в прихожей изменился.

Потому что это было не раздраженное “хватит”, не усталое “не начинай”. Это был приказ. Голый, злой, привычный приказ человека, который слишком долго считал, что имеет право.

Я смотрела на него и впервые не видела мужа.

Я видела мужчину, который боялся потерять управление.

— Не смей, — тихо сказала я.

Он наклонился ко мне.

— Что?

— Не смей говорить мне “замолчи” в моем доме. В присутствии моего сына. После того, что ты сделал.

— Твоем доме? — зло усмехнулся он. — Очень интересно.

Я поняла.

Вот она, настоящая причина его приезда.

Не сын.
 Не разговор.
 Не попытка “мирно решить”.

Он приехал проверить, сколько я знаю.

— Ты торопишься, Кирилл, — сказала я. — Слишком торопишься.

— А ты слишком много на себя берешь.

В этот момент его телефон завибрировал. Он машинально посмотрел на экран.

И снова не успел спрятать.

На экране было имя: Ника.

Миша тоже увидел.

— Это она? — спросил он.

Кирилл не ответил.

Миша горько усмехнулся.

— Серьезно? Ты сейчас пришел к нам, а она тебе звонит?

— Это не твоё дело.

— Не моё? Ты разводишься с моей мамой из-за нее, а это не моё дело?

Кирилл потер лицо ладонью.

— Я не развожусь из-за нее. Мы с твоей матерью давно...

— Не смей, — перебил Миша. — Не смей говорить так, будто это мама виновата.

Я почувствовала, как горло сжалось.

Не от боли.

От другой, почти невозможной нежности.

Кирилл тоже услышал. И понял: первая трещина уже прошла не в документах — в сыне.

Он резко выпрямился.

— Хорошо. Хотите войны? Будет война.

— Нет, — сказала я. — Я хочу закон.

Он наклонил голову.

— Ты пожалеешь.

Раньше после этих слов я бы испугалась.

Сейчас только крепче сжала ручку сумки.

— Возможно. Но не сегодня.

Я шагнула за порог и закрыла дверь изнутри на ключ, оставив Кирилла в подъезде.

Он не сразу понял.

Потом дернул ручку.

— Лера!

Я повернулась к Мише.

— Ты остаешься дома или идешь в школу?

— Я с тобой.

— Нет.

— Мам!

— Нет, Миш. Это мои взрослые дела. Но я обещаю: я больше не позволю никому решать за нас молча.

За дверью Кирилл ударил ладонью.

— Открой!

Миша смотрел на меня широко раскрытыми глазами.

— А если он...

— Он ничего не сделает.

Я очень хотела, чтобы это было правдой.

Внизу я почти бегом вышла из подъезда. Спиной чувствовала окна, лестничные пролеты, чужие двери. Казалось, Кирилл сейчас выскочит следом, схватит за локоть, развернет, и все снова станет привычным: его злость, мое объяснение, его решение, мое согласие.

Но на улице было тихо.

Черный внедорожник стоял у подъезда, как зверь на привязи.

Я села в такси и только тогда позволила себе выдохнуть.

Адрес, который назвал Артем Ветров, привел меня к старому деловому центру в центре города. Не стеклянная башня, не пафосный офис с золотыми буквами. Каменное здание с высокими окнами, тяжелой дверью и табличкой без лишнего блеска:

«Ветров и партнеры. Правовое сопровождение бизнеса».

Я поднялась на третий этаж.

Секретарь — женщина лет пятидесяти с внимательным взглядом — сразу встала.

— Валерия Сергеевна?

— Да.

— Артем Олегович ждет вас.

Ждет.

Это слово почему-то отозвалось странно.

Кирилл обычно заставлял ждать меня. В машине. У кабинета. На ужин. В жизни.

Артем Ветров стоял у окна, когда я вошла.

Высокий. Темноволосый. В сером костюме без показной дороговизны. Лицо спокойное, жесткое, красивое не той красотой, которой любят, а той, рядом с которой хочется выпрямить спину.

Он обернулся.

И на мгновение я забыла, зачем пришла.

Не потому что он был эффектным мужчиной. А потому что в его взгляде не было жалости.

Ни капли.

Только внимание.

— Валерия Сергеевна, — сказал он. — Проходите.

— Просто Валерия.

— Тогда просто Артем.

Он указал на кресло, но я не села. Положила папку на стол.

— Мне сказали, вы можете помочь.

— Я могу посмотреть документы. Помочь — после этого.

— Честно.

— Иначе нет смысла.

Я села.

Артем открыл папку. Сначала развод. Его лицо не изменилось. Потом договор переуступки. Расписка. Дополнительные соглашения.

Он читал быстро, но не бегло. Иногда делал короткие пометки карандашом. Один раз остановился на моей “подписи”, достал из ящика тонкую папку и положил рядом какой-то лист.

— Это что? — спросила я.

— Образец вашей настоящей подписи.

Я похолодела.

— Откуда он у вас?

Артем поднял глаза.

— Из старого договора. Двенадцать лет назад вы подписывали соглашение с компанией “Грант-Строй”. Со стороны вашего мужа.

Я нахмурилась.

— Вы были там?

— Я представлял вторую сторону.

Память вдруг выдала картинку: переговорная, дождь за окном, Кирилл нервничает, я объясняю условия поставки, напротив сидит молодой мужчина в темном костюме и внимательно слушает не Кирилла — меня.

— Вы... — начала я.

— Да, — спокойно сказал Артем. — Мы встречались.

Мне стало неловко. Почему я его не запомнила? Или запомнила, но вытеснила вместе с той жизнью, где еще была не только женой?

Он снова посмотрел на документы.

— Подпись поддельная.

Я сглотнула.

— Это можно доказать?

— Да. Почерковедческая экспертиза. Но это не единственная проблема.

— Что еще?

Артем повернул ко мне договор.

— Здесь указано, что вы якобы передали свою долю в компании за символическую сумму. Дата стоит три месяца назад. В это время вы были в городе?

Я задумалась.

Три месяца назад.

Февраль.

У мамы был приступ. Я уезжала к ней на неделю.

— Нет, — сказала я. — Я была у матери в Твери.

— Есть билеты? Чеки? Фото? Медицинские документы?

— Да.

— Хорошо.

Он сделал пометку.

— Теперь второе. Расписка о займе. По ней вы якобы заняли у мужа крупную сумму и обязались вернуть ее при разводе.

Я уставилась на лист.

— Что?

— Сумма большая. Если документ признают действительным, он сможет заявить, что вы должны ему деньги.

Я почувствовала тошноту.

— Но я ничего не занимала.

— Я понимаю.

— Нет, вы не понимаете. Я ему жизнь отдала, а он оформил это как долг?

Артем замолчал.

И вот это молчание оказалось лучше любых утешений.

Он не говорил “успокойтесь”. Не просил “держаться в руках”. Просто дал мне несколько секунд, чтобы не развалиться.

Потом сказал:

— Валерия, ваш муж не просто хочет развода. Он хочет юридически обнулить ваше участие в бизнесе, повесить на вас долг и, вероятно, оставить за собой основное имущество.

Я закрыла глаза.

— Он сказал, что я могу забрать квартиру на Южной.

Артем очень медленно поднял взгляд.

— Квартиру на Южной?

— Да.

— Она заложена.

Я открыла глаза.

— Что?

— Судя по этим бумагам, да. Возможно, вы об этом не знали.

Я сидела и смотрела на него, а мир вокруг снова начал расползаться.

Кирилл предлагал мне квартиру, которую уже заложил.

Подарок с веревкой на шее.

— Какая же я дура, — прошептала я.

— Нет.

Сказал он это резко. Так резко, что я вздрогнула.

Артем закрыл папку.

— Вы не дура. Вы доверяли мужу. Это не преступление. Преступление — использовать доверие.

Я посмотрела на него.

И в этот момент почему-то стало трудно дышать.

Не от страха. От того, что кто-то впервые назвал вещи своими именами.

— Что мне делать? — спросила я.

— Первое: ничего не подписывать. Второе: не передавать ему оригиналы документов. Третье: зафиксировать факт возможной подделки. Четвертое: подготовиться к тому, что он начнет давить через сына, деньги и репутацию.

— Уже начал.

— Значит, будет хуже.

Я кивнула.

— Спасибо за честность.

— Это еще не вся честность.

Артем открыл нижний ящик стола и достал тонкую синюю папку.

На ней было написано: Соколов К. А.

Я медленно посмотрела на него.

— Почему у вас есть папка на моего мужа?

Артем не отвел взгляда.

— Потому что ваш муж однажды уже пытался провернуть похожую схему.

— С кем?

Он положил папку передо мной, но руку не убрал.

— С человеком, который после этого потерял бизнес. Дом. И почти жизнь.

Я похолодела.

— Кто это был?

Артем долго молчал.

Потом сказал:

— Мой брат.

В кабинете стало очень тихо.

Так тихо, что я услышала, как за окном проехала машина, как где-то в коридоре закрылась дверь, как мое сердце ударило один раз — глухо и тяжело.

— Вы хотите помочь мне, — сказала я медленно, — или отомстить ему?

Артем посмотрел прямо в мои глаза.

— А вы хотите выжить или остаться удобной?

Вопрос был жестоким.

Но честным.

Я опустила взгляд на папку с именем мужа.

Семнадцать лет я думала, что знаю Кирилла Соколова.

Оказалось, я знала только ту версию, которую он разрешал мне видеть.

Я положила ладонь на синюю папку.

— Открывайте, — сказала я.

Артем убрал руку.

И когда первая страница легла передо мной, я увидела фотографию.

Молодой мужчина. Уставший взгляд. Подпись под снимком.

Олег Ветров. Дело о банкротстве. Попытка самоубийства после утраты активов.

Я медленно подняла глаза на Артема.

И поняла: мой развод был не концом брака.

Он был входом в чужую войну, которая началась задолго до меня.

Глава 4. Чужая война

Фотография Олега Ветрова лежала передо мной, как улика из другой жизни.

Молодой мужчина. Лет тридцать пять. Может, меньше. Умные глаза, усталая складка у рта, темные волосы, похожие на волосы Артема. Только во взгляде было что-то надломленное. Словно человек очень долго держался, а потом в один момент перестал понимать, ради чего.

Я не могла отвести глаз от подписи.

Попытка самоубийства после утраты активов.

В кабинете стало душно.

— Он жив? — спросила я тихо.

Артем стоял у стола, опираясь пальцами о край. Его лицо оставалось спокойным, но теперь я видела: это не холодность. Это броня. Очень старая. Очень крепкая.

— Жив, — ответил он. — Но прежним уже не стал.

Я сглотнула.

— Кирилл был с этим связан?

Артем открыл папку и разложил передо мной несколько листов.

— Ваш муж тогда был не таким крупным игроком. Но уже хорошо понимал главное: люди подписывают документы не тогда, когда уверены, а тогда, когда доверяют.

Эта фраза ударила точно в сердце.

Доверяют.

Я вспомнила, как Кирилл приносил мне бумаги поздно вечером.

— Лер, подпиши тут, это для банка.
 — Лер, не вникай, там стандартная форма.

— Лер, ну ты же знаешь, я бы тебя никогда не подставил.

Я подписывала. Иногда даже не читая. Потому что суп кипел, Миша плакал, мама звонила из поликлиники, а Кирилл стоял рядом с уставшим лицом человека, который “всё делает ради семьи”.

Семья.

Как удобно прятать за этим словом чужую выгоду.

— Олег был его партнером? — спросила я.

— Неофициальным. Они запускали проект по строительным материалам. Олег вложил деньги, связи, оборудование. Кирилл занимался переговорами и обещал оформить доли позже.

— Не оформил?

— Оформил. Только не так, как договаривались.

Я посмотрела на документы, но буквы расплывались.

— И ваш брат всё потерял?

— Почти всё. Бизнес, квартиру, репутацию. На него повесили долги. Когда он начал разбираться, оказалось, что часть бумаг подписана им самим. По крайней мере, так выглядело.

— Подделка?

Артем кивнул.

— Мы пытались доказать. Не успели. Олег сломался раньше.

Мне стало холодно.

Не от кондиционера. От понимания.

Кирилл не сорвался. Не ошибся. Не совершил подлость впервые из-за страсти к молодой женщине.

Он умел так жить.

Просто раньше это были чужие люди.

Теперь — я.

— Почему вы тогда его не посадили? — спросила я.

Вопрос прозвучал грубо, но Артем не обиделся.

— Потому что доказательства исчезли. Свидетели отказались говорить. Один бухгалтер внезапно уехал, второй получил повышение в компании Кирилла. А Олег подписал мировое, когда уже плохо понимал, что делает.

— Кирилл заставил?

— Кирилл умеет не заставлять. Он умеет создавать обстоятельства.

Я закрыла глаза.

Да.

Именно так.

Он никогда не кричал первым. Он просто делал так, что выбора будто не оставалось. Сначала ласково, потом устало, потом твердо. И в конце ты сама подписывала его решение, еще и благодарила за то, что он “взял всё на себя”.

— Зачем вы мне это показываете? — спросила я.

Артем сел напротив.

— Чтобы вы не думали, что перед вами обычный развод. Обычная измена. Обычная борьба за квартиру. Ваш муж будет действовать быстро. Чем раньше вы поймете, с кем имеете дело, тем выше шанс не потерять всё.

— А вы? — Я подняла на него взгляд. — Вы действуете ради меня или ради брата?

Он выдержал паузу.

— И то, и другое.

Честно.

Слишком честно для человека, которому я должна была доверить остатки своей жизни.

— То есть я для вас удобный шанс добраться до Кирилла?

— Нет.

— Но вы же сами сказали...

— Вы не шанс, Валерия. Вы человек, которого он сейчас пытается уничтожить тем же способом. Разница есть.

Я хотела ответить резко. Сказать, что я устала быть чьим-то инструментом. Что один мужчина уже использовал меня семнадцать лет, и второй не получит такой возможности.

Но Артем вдруг отодвинул от себя папку.

— Я могу передать вас другому юристу. Хорошему. Без личной истории с Кириллом. Это будет правильно с точки зрения этики.

— А с точки зрения результата?

Его взгляд стал жестче.

— С точки зрения результата я знаю, куда он бьет.

Этого оказалось достаточно.

Я медленно кивнула.

— Тогда бейте раньше.

Впервые за сутки в его глазах мелькнуло что-то похожее на одобрение.

Не жалость. Не восхищение. Просто признание: я не развалилась.

Пока.

Артем достал чистый лист и начал писать.

— Нам нужно зафиксировать дату вашего обнаружения документов. Сделать нотариальные копии. Подать заявление о возможной подделке подписи. Запросить сведения по залогам и обременениям. Отдельно — подготовить позицию по бракоразводному процессу и имуществу.

Он говорил быстро, четко, без лишних эмоций. И странно, но именно это возвращало мне почву под ногами. Там, где были пункты, сроки и действия, панике оставалось меньше места.

— И еще, — добавил он. — Не встречайтесь с ним одна.

Я горько усмехнулась.

— Боюсь, это будет сложно. У нас общий сын.

— Тем более.

Сын.

Я схватилась за телефон, будто только сейчас вспомнила, что мир не сузился до папки с документами. От Миши не было сообщений.

Я написала:
 «Ты как?»

Ответ пришел почти сразу:
 «Норм»

Подростковое, короткое, колющее. Но живое.

Я выдохнула.

— Он хороший мальчик, — неожиданно сказал Артем.

Я подняла глаза.

— Вы его не знаете.

— Нет. Но я видел, как вы посмотрели на телефон.

От этих слов почему-то защипало глаза.

Я устала быть сильной за последние сутки. Очень устала. Но слабость рядом с Артемом казалась опасной роскошью, которую я не могла себе позволить.

Телефон снова завибрировал.

На этот раз звонил Кирилл.

Я посмотрела на экран.

Артем сказал:

— Можете ответить. На громкую. Я буду молчать.

— Это законно?

— Вы участник разговора. Но лучше не провоцировать. Пусть говорит сам.

Я нажала кнопку.

— Да.

— Где ты? — голос Кирилла был ровным, но слишком натянутым.

— По делам.

— У Ветрова?

Я медленно подняла взгляд на Артема.

Он не изменился в лице.

— Интересно, — сказала я. — Ты уже знаешь?

Кирилл тихо выругался.

— Лера, ты сейчас совершаешь огромную ошибку. Этот человек не помогает тебе. Он использует тебя, чтобы отыграться за своего брата.

Я посмотрела на папку Олега.

— Значит, история с братом правда.

Пауза.

Кирилл понял, что сказал лишнее.

— Ты понятия не имеешь, что там было.

— Расскажешь?

— Не по телефону.

— Конечно.

— Лера, послушай меня внимательно. Ветров ненавидит меня. Он будет подталкивать тебя к войне, а платить за нее будешь ты. Деньгами. Нервами. Сыном.

Сыном.

Вот он. Первый удар.

Артем чуть прищурился.

— Не втягивай Мишу, — сказала я.

Кирилл усмехнулся.

— Это я не втягиваю? Ты уже заставила его слушать наши разговоры.

— Он слышал правду.

— Нет. Он слышал твою истерику.

Я жала телефон так, что заболели пальцы.

— Осторожнее, Кирилл.

— А то что? Побежишь к юристу? Уже побежала. Молодец. Только запомни: если ты начнешь копать в моем бизнесе, я начну копать в твоей способности быть нормальной матерью.

Внутри у меня всё оборвалось.

— Что ты сказал?

— Ты не спала всю ночь. Кричала при ребенке. Обвиняла меня в преступлениях. Как думаешь, что скажет суд, если я попрошу определить место жительства Миши со мной?

Я перестала дышать.

Артем резко выпрямился, но жестом показал: молчать.

— Ты угрожаешь забрать у меня сына?

— Я защищаю сына от твоей нестабильности.

Нестабильности.

Вот как это будет называться.

Не боль. Не предательство. Не реакция женщины, которой в годовщину дали развод и фальшивые документы.

Нестабильность.

— Кирилл, — сказала я очень тихо. — Ты правда хочешь пойти этим путем?

— Это ты его выбрала.

— Нет. Я просто впервые не легла под колеса.

Он помолчал.

Когда заговорил снова, голос стал почти мягким.

— Лера, вернись домой. Отдай документы. Мы всё обсудим. Я увеличу сумму. Оставлю машину. Помогу первое время. Не надо делать врагов из людей, которые когда-то были семьей.

Я закрыла глаза.

Когда-то были семьей.

Как быстро он вынес меня из этого слова.

— Ты не получишь документы, — сказала я.

Пауза стала ледяной.

— Тогда не жалуйся.

Он отключился.

Я еще несколько секунд держала телефон у уха.

Потом медленно опустила руку.

— Он хочет забрать Мишу.

Артем смотрел на меня внимательно.

— Он хочет, чтобы вы испугались.

— У него получится?

Я сама не поняла, зачем спросила. Наверное, хотела, чтобы кто-то взрослый и уверенный сказал: нет, конечно, не получится.

Но Артем не стал врать.

— Если вы будете действовать хаотично, он сможет создать картину. Уставшая жена, эмоциональный срыв, конфликт при ребенке, финансовая зависимость. Плюс он обеспеченный отец с большой квартирой.

Каждое слово было как камень.

— А если не хаотично?

— Тогда мы создадим другую картину. Муж, который изменял. Готовил имущественную схему. Вероятно, подделал подписи. Угрожал. Манипулирует ребенком.

Я медленно вдохнула.

— Что для этого нужно?

— Спокойствие. Доказательства. И дисциплина.

Я горько улыбнулась.

— Вы просите невозможное.

— Нет. Я прошу не отдавать ему то, что он ждет.

Телефон снова вспыхнул.

Сообщение от банка.

«Операция отклонена. Доступ к счету временно ограничен.»

Я нахмурилась и открыла приложение.

Сначала не поняла.

Потом экран поплыл.

Наш общий счет был заблокирован. Карта, которой я пользовалась для дома, продуктов, школы, лекарств для мамы, — недоступна. В приложении висело сухое уведомление: **«Изменены права доступа владельцем основного аккаунта.»**

Владельцем.

Основного.

Аккаунта.

Я рассмеялась.

Тихо. Неприятно. Так, что секретарь, наверное, услышала бы через дверь.

— Он уже начал.

Артем посмотрел на экран.

— У вас есть личный счет?

— Есть. Там немного. Я давно почти не пользовалась.

— Сегодня начнете.

Мне пришло еще одно сообщение.

От Кирилла.

«Подумай хорошо. Без войны тебе будет легче.»

Я показала телефон Артему.

Он прочитал, и угол его губ едва заметно дернулся.

— Отлично.

— Отлично?

— Угроза в письменном виде. Не самая умная его ошибка, но полезная для нас.

Я снова посмотрела на сообщение.

Без войны тебе будет легче.

Странно. Еще вчера я бы, наверное, заплакала. Сегодня внутри поднималось другое чувство.

Не ярость даже.

Что-то тверже.

— Я хочу подать заявление, — сказала я.

— Сегодня?

— Сегодня.

— Это правильно. Но после нотариуса.

Я кивнула.

И в этот момент дверь кабинета открылась.

Секретарь заглянула внутрь, явно смущенная.

— Артем Олегович, извините. Там к Валерии Сергеевне... женщина. Говорит, что это срочно.

Я напряглась.

— Какая женщина?

Секретарь протянула мне визитку.

На белом картоне ровными буквами было написано:

**Вероника Ланская.
 Помощник генерального директора.**

Ника.

Мир на секунду стал очень тихим.

Артем медленно поднялся.

— Хотите, я попрошу ее уйти?

Я смотрела на визитку.

Молодая любовница моего мужа пришла ко мне в офис юриста. Не домой. Не в кафе. Не случайно столкнулась в коридоре.

Пришла сама.

Значит, или очень глупая.

Или очень уверенная.

Я встала.

— Нет. Пусть войдет.

Артем задержал на мне взгляд.

— Валерия.

— Что?

— Не играйте в ее игру.

Я усмехнулась.

— Я еще не знаю правил.

Дверь открылась.

Ника вошла в кабинет легко, будто и правда имела право появляться в моей жизни без стука. Светлые волосы, дорогое пальто, идеальный макияж. Одна рука лежала на животе — пока еще почти плоском, но уже выставленном вперед как доказательство победы.

Она посмотрела сначала на Артема.

Потом на меня.

И улыбнулась.

— Валерия Сергеевна, простите, что без предупреждения. Но Кирилл не знает, что я здесь.

— Какая трогательная самостоятельность.

Улыбка на ее лице дрогнула.

— Я пришла не ругаться.

— А что, поздравить меня с истекшим сроком службы?

Она опустила глаза.

И вдруг сказала:

— Я пришла предупредить вас. Кирилл вам не сказал главного.

В кабинете повисла пауза.

Артем напрягся.

Я почувствовала, как холод проходит по спине.

— Какого главного?

Ника подняла на меня глаза.

И впервые в них не было наглости.

Там был страх.

— Ребенок, которого я ношу, может быть не его.

Я не сразу поняла смысл слов.

А когда поняла, внутри будто оборвалась еще одна нить.

— Что?

Ника побледнела.

— Но Кирилл уверен, что если вы узнаете, он уничтожит меня. А вместе со мной — и вас.

Она достала из сумки сложенный лист.

— Поэтому я принесла это.

Я не двигалась.

Артем взял лист первым, развернул, пробежал глазами.

Его лицо стало жестким.

— Валерия, — сказал он тихо. — Это медицинское заключение.

— О чем?

Он посмотрел на Нику.

Потом на меня.

— О сроке беременности.

Я медленно повернулась к ней.

Ника сжала пальцы на животе.

— Я забеременела раньше, чем начала встречаться с Кириллом, — прошептала она.

И в этот момент я поняла: мой муж не просто уходил к другой женщине.

Возможно, он уходил к чужому ребенку.

А если Кирилл узнает, что я теперь знаю и это, он перестанет просто угрожать.

Он начнет бить по-настоящему.

Глава 5. Чужой ребенок

Я смотрела на Нику и не могла решить, что чувствую.

Ненависть?
Отвращение?
Жалость?

Все сразу.

Передо мной стояла женщина, из-за которой вчера разрушилась моя жизнь. Та самая молодая, гладкая, сияющая Ника, ради которой Кирилл списал меня, как ненужную вещь. Та, чье имя светилось на его телефоне рядом со словом “малыш”. Та, чей ребенок стал последним гвоздем в крышку моего брака.

Только теперь выяснялось, что гвоздь, возможно, был чужим.

— Повтори, — сказала я.

Голос прозвучал хрипло.

Ника нервно облизнула губы.

— Я забеременела до Кирилла.

— Насколько до?

Она опустила глаза.

— Примерно за месяц.

Я усмехнулась.

Даже не потому, что было смешно.

Просто тело больше не знало, как реагировать на удары.

— И ты решила сказать ему об этом после того, как он развелся со мной?

— Нет.

— Нет?

— Я вообще не собиралась говорить.

Артем стоял рядом с окном, держа медицинское заключение. Он молчал, но от его молчания в кабинете будто стало меньше воздуха.

Я медленно подошла к столу, взяла лист.

Срок беременности. Дата осмотра. Предполагаемая дата зачатия.

Буквы были сухими, медицинскими, равнодушными. Но смысл у них был почти взрывной.

— Кирилл знает? — спросила я.

Ника замотала головой.

— Он думает, что ребенок его.

— Очень удобно.

Она вспыхнула.

— Думаете, я горжусь этим?

— А мне важно, чем ты гордишься?

— Валерия Сергеевна...

— Не называй меня так.

Она замолчала.

Я смотрела на ее руку, лежащую на животе. Маникюр идеальный. Пальто дорогое. Волосы блестят. Девочка из той жизни, где мужчины еще открывают двери, покупают цветы и обещают “я всё решу”.

Я тоже когда-то была такой.

Только, в отличие от Ники, беременность я не использовала как входной билет в чужой дом.

— Зачем ты пришла? — спросила я. — Не за исповедью же.

Ника посмотрела на Артема, потом снова на меня.

— Кирилл начал меня пугать.

Я не выдержала и рассмеялась.

— Вот как. А когда он пугал меня разводом, юристами и сыном, тебя всё устраивало?

— Я не знала про сына.

— Ты знала, что у него есть семья.

Она дернулась, как от пощечины.

— Он говорил, что вы давно чужие. Что вы живете как соседи. Что вы держите его из-за денег. Что Миша почти взрослый и всё поймет.

Я закрыла глаза.

Конечно.

Мужчины редко говорят любовницам: “Я подлец, который год врет жене”. Они говорят: “Меня давно не любят”. “Я несчастен”. “Она меня не понимает”. “Я ухожу не от нее, а к тебе”.

И девочки верят.

Потому что очень хотят оказаться спасением, а не соучастницей.

— А теперь? — спросила я. — Теперь что изменилось?

Ника достала из сумки телефон. Руки у нее дрожали.

— Вчера после разговора с вами он приехал ко мне. Был злой. Очень. Сказал, что вы нашли какие-то документы. Что если я хочу, чтобы у нас всё было хорошо, я должна подтвердить, что вы неадекватная.

— Что?

— Он сказал, что может понадобится характеристика. Или свидетельство. Что вы давно вели себя странно, ревновали, следили за ним, угрожали мне.

Внутри стало ледяно.

Вот значит как.

Не просто развод.
 Не просто деньги.
 Не просто сын.

Он уже строил новую реальность, где я не жена, которую предали, а истеричная женщина, мешающая “новой семье”.

— И ты согласилась? — спросила я.

Ника молчала.

Этого было достаточно.

Я медленно кивнула.

— Понятно.

— Я испугалась! — резко сказала она. — Вы не понимаете, каким он бывает, когда злится.

Я посмотрела на нее так, что она осеклась.

— Правда? Не понимаю?

Она опустила голову.

— Он забрал мою карту.

— Что?

— Он оформил мне карту для расходов. Квартира тоже его. Машина его. Работа у него. Я... — Она сглотнула. — Я думала, это забота. А теперь понимаю, что это повод держать меня на поводке.

Слова ударили неожиданно больно.

Потому что эта схема была мне знакома.

Только у меня поводок был длиннее. Из ипотеки, сына, совместных лет, привычки, страха начинать сначала и фразы: “Лер, ну ты же моя жена”.

У Ники — короче и блестящее.

Но поводок оставался поводком.

— И ты решила прибежать ко мне? — спросила я. — К женщине, чей дом ты помогала разрушать?

— Я не прошу меня спасать.

— А что просишь?

Она подняла глаза. В них снова был страх.

— Если Кирилл узнает, что ребенок может быть не его, он меня уничтожит. Но если не узнает... он использует меня против вас. А потом всё равно уничтожит, когда правда всплывет.

— Кто отец?

Ника побледнела.

— Неважно.

— Очень важно.

— Он не из компании. И он не хочет знать.

Я усмехнулась.

— Как удобно. У всех вокруг удобная позиция.

Артем наконец вмешался:

— Вероника, вы понимаете, что медицинское заключение может стать доказательством мотива? Если Кирилл строит развод вокруг новой семьи и ребенка, а ребенок, вероятно, не его, его поведение может измениться резко.

— Я поэтому и пришла.

— Нет, — сказал Артем спокойно. — Вы пришли, потому что поняли: быть рядом с Кириллом опасно не только для Валерии. Для вас тоже.

Ника сжала губы, но не возразила.

Мне вдруг стало мерзко от всей этой ситуации.

Я должна была ненавидеть ее. И я ненавидела. Частью себя — да. За каждый вечер, когда он “задерживался на работе”. За каждое его холодное “не начинай”. За вчерашний телефон, за “малыша”, за ее имя между мной и моим браком.

Но другая часть видела перед собой не победительницу.

А следующую жертву, которая слишком поздно поняла, что села в красивую машину без ручек на дверях.

— Что ты уже подписала? — спросила я.

Ника растерянно моргнула.

— Что?

— Кирилл давал тебе что-то подписывать?

Она открыла рот. Закрыла.

Артем резко посмотрел на нее.

— Вероника.

— Был договор аренды квартиры. Какие-то бумаги по работе. Соглашение о неразглашении. Еще... — Она замялась. — Он просил подписать заявление, что я не имею к нему материальных претензий в случае... если мы расстанемся.

Я посмотрела на Артема.

Он стал очень серьезным.

— У вас есть копии?

— Нет. Он сказал, это формальность.

Я почти физически почувствовала, как прошлое тянет ко мне руки.

“Лер, подпиши, это формальность.”

“Лер, не вникай.”

“Лер, ты мне не доверяешь?”

— Никогда больше не подписывай ему ничего, — сказала я.

Ника посмотрела на меня с удивлением.

Наверное, не ожидала услышать от меня совет.

Я тоже не ожидала его дать.

В этот момент мой телефон завибрировал.

Миша.

Я ответила сразу.

— Да, сынок.

На том конце было шумно. Голоса. Коридор. Школьный гул.

— Мам, ты где?

— У юриста. Что случилось?

— Папа приехал в школу.

Сердце оборвалось.

— Что?

— Он говорит, что заберет меня. Сказал классной, что дома проблемы и мне лучше побыть у него.

Я почувствовала, как пол уходит из-под ног.

Артем уже шагнул ближе.

— Ты с ним? — спросила я.

— Нет. Я в туалете закрылся.

Господи.

Мой мальчик. Мой высокий, упрямый, почти взрослый мальчик прятался в школьном туалете от собственного отца.

— Миша, слушай меня внимательно. Ты не обязан никуда ехать, если не хочешь. Понял?

— Он злой, мам.

— Я знаю. Где классная?

— В учительской. Он с ней говорит.

Артем быстро написал что-то на листе и повернул ко мне:

«Скажите: пусть идет к директору. Не выходит один.»

— Миш, иди к директору или к завучу. Не выходи на улицу. Не садись к папе в машину. Я сейчас решу.

— Мам...

В его голосе было то, что я не слышала с детства.

Страх.

— Я рядом, — сказала я. — Даже если не физически. Ты меня понял? Я рядом.

— Понял.

— Не отключай телефон.

Я положила трубку и повернулась к Артему.

— Он приехал за сыном.

— Сейчас позвоню в школу, — сказал он. — Вы — тоже. Официально. Спокойно. Скажите, что не давали согласия забирать ребенка с занятий, между родителями конфликт, просите не отпускать до вашего приезда.

— Он отец. Они могут отдать ему Мишу?

— Могут. Если нет ограничений. Поэтому действуем быстро.

Ника стояла бледная, как стена.

— Это из-за меня? — прошептала она.

Я резко повернулась.

— Не льсти себе. Это из-за него.

Артем уже говорил по телефону с кем-то из школы. Его голос был спокойным, жестким, профессиональным. Я слышала обрывки:

— Представитель матери...
 — Несовершеннолетний не должен становиться объектом давления...
 — Зафиксируйте обращение...
 — Да, мы подъедем.

Я набрала номер классной руководительницы.

Елена Викторовна ответила не сразу.

— Валерия Сергеевна, здравствуйте. У нас тут Кирилл Андреевич...

— Елена Викторовна, я знаю. Прошу вас не отпускать Мишу из школы до моего приезда.

— Но отец говорит, что у вас семейная ситуация...

— Именно поэтому прошу не отпускать. Ребенок напуган. Я еду.

— Понимаете, он отец...

— И я мать. Если с моим сыном что-то случится после того, как я прямо попросила вас не выводить его к машине, это будет уже не семейная ситуация.

Я сама удивилась своему голосу.

Ровный.

Чужой.

Взрослый.

— Хорошо, — быстро сказала она. — Я поняла. Я отведу Мишу к директору.

— Спасибо.

Я отключилась.

Руки затряслись только после этого.

Артем уже надевал пальто.

— Едем.

— Я с вами, — вдруг сказала Ника.

Я посмотрела на нее.

— Нет.

— Кирилл сейчас там из-за меня тоже. Он звонил мне, когда ехал. Сказал, что если я куда-то сунусь, он заберет сына у вас и вы обе пожалеете.

Кровь застыла.

— У тебя есть запись?

Она замялась.

— Нет. Но есть сообщение.

Она протянула телефон.

На экране было:

“Сиди дома. Если Лера втянет тебя, я начну с ее сына, а закончу тобой.”

Артем прочитал.

Его лицо стало таким, что я впервые подумала: хорошо, что этот человек на моей стороне.

Пока на моей.

— Перешлите мне скриншот, — сказал он. — Сейчас.

Ника быстро кивнула.

Я смотрела на сообщение, и внутри меня что-то окончательно менялось.

Кирилл сделал ошибку.

Он думал, что я испугаюсь за сына и поползу назад. Отдам документы. Подпишу условия. Приму квартиру с залогом, долг, унижение и чужого ребенка как плату за то, чтобы он “не трогал Мишу”.

Вчера, может быть, так и было бы.

Но сегодня он тронул не меня.

Он тронул моего ребенка.

— Поехали, — сказала я.

В машине никто не разговаривал.

Артем сидел за рулем, сосредоточенный и холодный. Я рядом, с телефоном в руках. Ника на заднем сиденье, сжавшись в комок, будто только сейчас поняла, что чужая семья — это не декорация для ее любви, а живые люди, которые кровоточат.

У школы стоял черный внедорожник Кирилла.

Я узнала его сразу.

Он был припаркован прямо у входа, нагло, почти поперек прохода. Как будто весь мир должен был обтекать его машину так же, как люди обтекали его решения.

Кирилл стоял на крыльце.

Рядом — директор, Елена Викторовна и Миша.

Сын увидел меня первым.

И в его лице было такое облегчение, что я едва не побежала к нему.

Но Артем тихо сказал:

— Спокойно.

Я вышла из машины.

Кирилл повернулся.

Его взгляд скользнул по мне, затем по Артему.

И застыл на Нике, которая вышла следом.

Вот тогда я впервые увидела на лице мужа настоящий страх.

Не раздражение.
 Не злость.
 Не презрение.

Страх.

— Ты? — сказал он Нике.

Она побледнела, но не отступила.

Кирилл сделал шаг вниз по ступенькам.

— Ты совсем дура?

Артем встал между ними так естественно, будто именно для этого и родился.

— Кирилл Андреевич, рекомендую выбирать выражения. Здесь школа.

Кирилл медленно перевел взгляд на него.

— Ветров. Конечно. Куда же без падальщиков.

— Осторожнее, — спокойно сказал Артем. — Сегодня у вас и так богатый день на угрозы.

Директор кашлянул.

— Господа, может быть, мы пройдем внутрь?

Я уже не смотрела на них.

Я смотрела на Мишу.

Он стоял бледный, злой, растерянный. И такой мой, что сердце сжалось.

— Сынок, — сказала я. — Иди ко мне.

Кирилл резко повернулся:

— Миша останется со мной.

Миша замер.

Раньше, возможно, сын растерялся бы. Посмотрел на меня, потом на отца, не зная, кого обидеть меньше.

Но сегодня он медленно спустился по ступенькам.

Прошел мимо Кирилла.

И встал рядом со мной.

Кирилл побелел.

— Ты пожалеешь, Лера, — сказал он тихо.

Я взяла Мишу за руку.

На глазах директора. Учительницы. Ники. Артема. Всех.

— Нет, Кирилл. Жалеть теперь будешь ты.

Он усмехнулся, но усмешка вышла кривой.

— Ты ничего не докажешь.

И тут Ника тихо сказала:

— Она не одна.

Кирилл посмотрел на нее так, будто хотел стереть с лица земли.

А я вдруг поняла: эта девочка, которую я вчера считала своей главной бедой, только что стала его второй ошибкой.

Первой была я.

И обе ошибки стояли теперь рядом.

Не союзницы.

Нет.

До этого было еще далеко.

Но уже не жертвы поодиночке.

Кирилл достал телефон.

— Хорошо, — сказал он. — Раз вы все решили играть против меня, играйте.

Он набрал чей-то номер, глядя прямо на меня.

— Сергей? Поднимай все по Соколовой. Медицину, школу, мать, счета. Всё. И подготовь заявление.

Я почувствовала, как пальцы Миши вцепились в мою ладонь.

Артем тихо сказал:

— Он блефует.

Но я знала Кирилла.

Он не блефовал.

Он начинал охоту.

Глава 6. Охота

Слово “охота” не прозвучало вслух.

Но я почувствовала его кожей.

Кирилл стоял у крыльца школы с телефоном у уха и смотрел на меня так, будто больше не видел женщину, с которой прожил семнадцать лет. Не видел мать своего сына. Не видел человека, который когда-то сидел рядом с ним в старой машине и верил, что у нас всё получится.

Он видел препятствие.

А Кирилл Соколов препятствия убирал.

— Мам, — тихо сказал Миша.

Его пальцы впились в мою ладонь так сильно, что стало больно.

Я сжала их в ответ.

— Всё хорошо.

Ложь.

Но иногда ложь матери — это не обман, а временная крыша над головой ребенка, пока вокруг рушатся стены.

Кирилл закончил разговор и убрал телефон в карман.

— Миша, садись в машину, — сказал он ровно.

Сын не двинулся.

— Я с мамой.

На лице Кирилла дернулась мышца.

— Ты не понимаешь, во что она тебя втягивает.

— А ты понимаешь? — спросил Миша. — Ты зачем приехал в школу? Чтобы забрать меня без мамы?

— Чтобы защитить тебя.

— От кого?

Кирилл посмотрел на меня.

— От истерик, лжи и людей, которые используют нашу семью в своих интересах.

Артем стоял чуть в стороне. Спокойный, собранный. Но я уже знала: это спокойствие было не равнодушием. Это было оружие.

— Кирилл Андреевич, — сказал он, — при свидетелях вы сейчас продолжаете оказывать давление на несовершеннолетнего. Я бы рекомендовал остановиться.

Кирилл усмехнулся.

— Ветров, ты слишком долго ждал этого момента, да? Наконец нашел, за чью юбку спрятаться?

Я почувствовала, как напрягся Артем.

Но он не сделал ни шага.

— Продолжайте, — сказал он. — Чем больше вы говорите, тем легче нам работать.

Кирилл перевел взгляд на Нику.

Она стояла бледная, прижав сумку к животу. Еще утром она казалась мне соперницей, наглой девочкой, укравшей чужую жизнь. Сейчас она выглядела как человек, который впервые увидел цену своей победы.

— В машину, — сказал Кирилл ей.

Ника вздрогнула.

— Нет.

Одно слово.

Тихое, но настоящее.

Кирилл медленно повернул голову.

— Что ты сказала?

— Я не поеду с тобой.

Директор школы неловко кашлянул. Елена Викторовна смотрела то на меня, то на Мишу, явно мечтая оказаться где угодно, только не посреди чужого семейного взрыва.

Кирилл сделал шаг к Нике.

— Ты забыла, кто оплачивает твою квартиру?

Артем тут же оказался рядом.

— Еще одна угроза, Кирилл Андреевич?

— Не лезь.

— Поздно.

Это короткое “поздно” прозвучало странно весомо. Будто где-то уже захлопнулась дверь, о которой Кирилл еще не знал.

Я посмотрела на сына.

— Миш, мы уезжаем.

— Я не пойду на уроки?

— Сегодня нет.

Кирилл резко сказал:

— Он никуда с тобой не поедет.

Я повернулась к нему.

— Поедет.

— Ты не имеешь права решать единолично.

— Как и ты.

Мы смотрели друг на друга через несколько метров школьного двора. Вокруг уже начали останавливаться ученики. Кто-то снимал на телефон. Шепот полз по ступенькам, как дым.

И Кирилл это заметил.

Его лицо изменилось.

Репутация.

Вот его настоящая слабость.

Не совесть. Не семья. Не страх потерять сына.

Страх выглядеть плохо.

Я сделала шаг ближе и сказала тихо, чтобы слышал только он:

— Хочешь продолжить здесь? При детях? При учителях? При камерах? Я могу. Мне уже нечего скрывать.

Он сузил глаза.

— Ты стала смелой?

— Нет. Просто ты забрал всё, чем меня можно было шантажировать. Остался только Миша. А его я тебе не отдам.

Кирилл наклонился ко мне.

— Тогда я заберу его законно.

— Попробуй.

Его губы дрогнули.

Раньше я никогда не говорила ему “попробуй”. Раньше я говорила: “Кирилл, давай спокойнo”, “Кирилл, не при Мише”, “Кирилл, я всё исправлю”.

Теперь исправлять предстояло не за ним.

А после него.

Мы уехали вдвоем: я, Миша и Артем. Ника поехала следом на такси — Артем настоял, чтобы она не возвращалась в квартиру Кирилла одна. Я не спорила. Сил на ненависть к ней не осталось. Ненависть требовала энергии, а всю мою энергию сейчас держал страх за сына.

В машине Миша молчал.

Смотрел в окно, сжав челюсти.

Я хотела погладить его по плечу, но не решалась. Подростки странные: иногда им нужна рука, а иногда любое прикосновение кажется им новым доказательством, что мир развалился.

— Он правда может меня забрать? — спросил он вдруг.

Я открыла рот.

И не смогла соврать.

— Он может попытаться.

Миша резко повернулся ко мне.

— А если суд решит?

— Мы будем бороться.

— Это из-за денег?

— Не только.

— Из-за той женщины?

Я замолчала.

Артем вел машину, не вмешиваясь.

— Миш, — сказала я осторожно. — Между мной и твоим отцом давно были проблемы. Но то, как он решил уйти... это его выбор. Не твой. И не мой.

— Он говорил, что ты всегда всё контролируешь.

Я усмехнулась.

— Правда? Если бы я всё контролировала, вчера у нас был бы торт, а не развод.

Миша не улыбнулся.

— Он говорил, что ты не дашь ему жить.

Эти слова застряли под ребрами.

Не дашь ему жить.

Семнадцать лет я давала ему всё: время, силы, дом, документы, идеи, тишину, когда он устал, поддержку, когда он проваливался, уверенность, когда его трясло. А в его рассказе я стала женщиной, которая “не дает жить”.

— А ты как думаешь? — спросила я.

Миша долго молчал.

Потом сказал:

— Я думаю, он врет. Но мне больно так думать.

Я отвернулась к окну.

Потому что слезы снова подошли слишком близко.

Артем привез нас не домой, а в свой офис. Там уже ждала женщина с короткими седыми волосами и сухим деловым лицом.

— Валерия Сергеевна? Я Марина Борисовна, семейный юрист. Артем Олегович ввел меня в курс дела.

Я машинально посмотрела на Артема.

— Вы позвали еще одного юриста?

— Да. По ребенку нужен специалист.

Раньше меня бы задело, что кто-то решил без меня. Сейчас я впервые за последние сутки почувствовала не раздражение, а облегчение.

Не я одна должна была удерживать потолок.

Пока Марина Борисовна задавала мне вопросы — где зарегистрирован Миша, кто водил его к врачам, кто платил за секции, кто ходил на собрания, кто был указан контактным лицом в школе, — я отвечала и постепенно понимала странную вещь.

В бытовом смысле вся жизнь сына была на мне.

В документах — тоже.

Кирилл был отцом на праздниках, в дорогих подарках и громких обещаниях. Я была матерью в больничных карточках, дневниках, справках, прививках, ночных температурах и разговорах после двоек.

— Это хорошо, — сказала Марина Борисовна. — У нас есть чем подтвердить фактическое участие матери в жизни ребенка.

Миша сидел рядом, слушал и мрачнел.

— То есть теперь вы будете доказывать, что мама моя мама? — спросил он.

Марина Борисовна посмотрела на него не как на ребенка, а как на человека.

— Нет. Мы будем доказывать, что твои интересы важнее амбиций взрослых.

Он кивнул.

И вдруг спросил:

— А меня кто-нибудь спросит?

— Да, — сказала она. — Тебе пятнадцать. Твое мнение будет иметь значение.

Миша медленно выдохнул.

Потом посмотрел на меня.

— Я хочу жить с тобой.

Я сжала губы, чтобы не расплакаться прямо там, за чужим столом, среди копий паспортов и юридических формулировок.

— Спасибо, — только и смогла сказать я.

Он отвернулся.

— Не благодари. Ты моя мама.

Иногда подростки говорят так просто, что от этой простоты хочется упасть на колени.

К обеду у нас уже был план.

Заявление по факту возможной подделки подписи.
 Уведомление в школу о семейном конфликте и запрете передавать ребенка без согласия матери до урегулирования ситуации.
 Фиксация угроз Кирилла.
 Запрос по имуществу.
 Консультация по счетам.
 Отдельно — безопасное место для Ники, если она решится дать письменные пояснения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.